

ФОРМАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Б.Я. Бляхман

В статье анализируется процесс моделирования терминологических понятий, показывается взаимосвязь таких понятий с социальными явлениями, раскрывается вторичность знаково-символической формы от ее социального содержания. Конструирование логико-семантических моделей поведения людей требует и создания современных юридических технологий, целью которых должно стать создание взаимосвязанной формальной цепочки для реализации интересов участников социальных отношений, от общего модельного правила до индивидуального юридического акта.

В настоящее время в Российской юриспруденции для определения специфики правовых понятий используются различные терминологические конструкции¹, например: правовые категории;² юридические конструкции³; правовые средства⁴; элементы юридической техники⁵; средства юридических технологий⁶ и т.д. Такое многообразие терминологических подходов к определению правовых понятий говорит о сложности, неоднозначности и неоднородности правовых явлений, которые являются основной составляющей в системе социальных норм, направленных на регулирование поведения человека.

Процесс моделирования терминологических понятий в юриспруденции имеет вторичный характер и должен отражать специфику происходящих социальных явлений⁷ при помощи законов логики и закономерностей грамматической семантики. Динамика социального развития и многообразие социальных взаимоотношений людей и их объединений требует создания единых правил для всех участников социального взаимодействия.

Если такие общие правила создаются, то они обычно формируются при помощи знаков или символов; с одной стороны, это становится информацией, которая передается последующим поколениям, а с другой стороны, знаки становятся всеобщей формой, отражающей социальную действительность.

Вторичность знаково-символической формы для участников социального взаимодействия порождает иную проблему – единообразного адекватного восприятия информации всеми без исключения участниками взаимоотношений. Чем выше уровень цивилизации, тем выше уровень сложности и разнообразия взаимоотношений людей ее населяющих. Социально-экономическое положение и родоплеменные

отношения еще больше усложняют процесс восприятия знаково-символической формы, направленной на регулирование поведения субъектов социальной сферы.

Первоначальное моделирование строилось на санкционировании обычаев, правил, которые были известны большинству населения, проживающего на определенной территории. Протогосударственные, а впоследствии и государственные структуры старались придать обычным правилам признаки всеобщности и обязательности при помощи знаково-символической формы⁸. Устанавливая запреты на определенные виды поведения людей, государство не забывало предусмотреть и соответствующие запретам виды публичных наказаний за их нарушения. Такие публичные мероприятия предназначались для наглядности и информированности населения. Впоследствии установленные в государстве правила поведения доводились до сведения населения устно (через глашатаев) или письменно (при помощи письменного изложения таких правил на видном месте).

Формально-логическая знаково-символическая запись возможного поведения людей не могла быть юридической моделью до тех пор, пока данный текст не предусмотрел возможность государственного вмешательства как гарантию реализации установленных формально-знаковых правил. Тем не менее, не все страны пошли по пути формально-логического знаково-символического правотворчества. Прецедентная форма регулирования социальных взаимоотношений также получила широкое распространение (Великобритания и бывшие Британские колонии). Такая прецедентная форма дает как определенные преимущества, например: отсутствие пробелов в законодательстве; отсутствие деления права на публичное и частное и др., так

и имеет некоторые существенные недостатки, например: проблема судебного усмотрения, на основе которого принимается окончательное решение по делу и создается прецедент⁹ (проблема судебного усмотрения может быть темой специального исследования).

Большинство современных государств в настоящее время по-прежнему считают основным источником регулирования поведения людей формально-логический письменный документ, который должен отражать существующие или возможные социальные взаимосвязи субъектов общественных отношений. Как создать такой формально-логический документ (модель поведения), который как способствовал, так и препятствовал бы развитию определенного поведения людей¹⁰.

Форма должна отражать реальное социальное содержание, под которым необходимо понимать разнообразный круг интересов людей, реализующих их на неоднородных уровнях социального взаимодействия. Интересы людей реализуются, прежде всего, через договор как универсальный вид регулирования поведения. Договор проявляет себя в реальной жизни весьма разнообразно: от молчаливого согласия (одобрения, бездействия) до всевозможных активных сделок (частно-предпринимательская деятельность). Молчаливо-безучастное восприятие окружающих человека событий - это тоже вид социального договора-соглашения с себе подобными, что иногда приводит к необратимым социальным последствиям. Телеигра «Последний герой» является наглядным примером реализации интересов выживания на необитаемом острове. Активное участие в частно-производственной (предпринимательской) деятельности - это тоже вид социального договора-соглашения между производителями и потребителями (товары, качество, цены).

При реализации общих интересов они могут становиться публичными и закрепляться публичным договором. При реализации индивидуальных интересов может быть использован частный договор. Деление договора на публичный и частный, исходя из общих и индивидуальных интересов людей, носит условный характер, точно так же, как и деление формально-нормативной системы права на публичное и частное. Доказывается это тем, что существующая прецедентная форма регулирования поведения человека не учитывает, какие интересы (общие или частные) берет во внимание суд при решении дела по существу¹¹.

В формально-логических правовых системах публичным считается право, в котором хотя бы одной из сторон регулируемых отношений является государство, как гарант реализации общих интересов и гарант восстановления нарушенных прав субъектов отношений. Иногда индивидуальные интересы защищаются государством как публичные, что также может привести к необратимым социальным последствиям (общественному неравенству в виде льгот, привилегий, исключений и т.д., вплоть до культа личности). Во-вторых, иногда общим (публичным) интересам (в ущерб интересам индивидуальным) делается предпочтение и приоритет при их защите, что проявляется в формально-логическом законодательстве в виде установления более жестких санкций и форм наказания по сравнению с обеспечением защиты интересов частных (примером тому может быть Советское уголовное законодательство, которое устанавливало различные санкции за покушение на различные виды собственности: государственную, кооперативную, личную).

Формально-логическое, знаково-символическое правотворчество должно учитывать одновременно как индивидуальные (частные) так и общие (публичные) интересы человека. Очень часто эти интересы вступают в противоречия, когда индивид не желает подчиняться интересам большинства или иным общим интересам. При формально-знаковом правотворчестве такие противоречия пытаются разрешить путем создания альтернативных или относительно-определенных правил, в которых устанавливаются либо различные варианты возможного или должного поведения, либо пределы, в рамках которых принимается решение.

Создавая, например, формально-логическое, знаково-символическое уголовное законодательство, правотворческий орган должен учитывать: индивидуальные интересы потерпевшего, которые выражаются в восстановлении нарушенных прав; индивидуальные интересы преследуемого (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного), которые выражаются в праве на защиту и справедливую ответственность; общие интересы государства, которое присвоило себе право и возложило на себя обязанность быть арбитром в споре индивидуальных интересов; публичные интересы общества, мнение которого зависит от социокультурного, экономического и политического его состояния. Поэтому формально-логичес-

кое правотворчество, с учетом вышеизложенных условий, представляет собой сложный и трудоемкий процесс¹².

В настоящее время в Российской Федерации уголовное законодательство является наиболее моделированным, где в особенной части уголовного закона предусмотрены составы, которые являются мобильными и динамичными правовыми нормами¹³. Теоретически можно исходить из того, что формально-знаковое и логико-семантическое изложение текста уголовно-правовых норм есть результат всеобщего многостороннего соглашения (договора) между носителями индивидуальных и общих интересов (гражданами, обществом, государством). Таким образом, письменная форма уголовного законодательства есть результат разрешения противоречий: между потерпевшим и преступником; между преступником и государством; между потерпевшим и государством; между обществом и государством. Письменная форма (модель) должна быть выражением (отражением) средних интересов населения. Большинство гражданского общества, в свою очередь, должно признавать правовые нормы. Поэтому формально-логическая письменная форма (модель поведения) есть результат разноуровневого многостороннего договора-соглашения (консенсуса) между субъектами социального взаимодействия.

Еще более остро проблема создания общих моделей поведения может быть в гражданско-правовых (обычно обозначенных в научной литературе: частных) отношениях. Вопросы приобретения, сохранения и перераспределения собственности люди пытаются разрешить с момента появления первых цивилизаций. Какой бы ни был способ производства, на первый план все равно выходят вопросы распределения собственности. Интересы индивидуальных собственников не являются всеобщими с самого начала ее появления, поскольку частные, индивидуальные интересы концентрируются вокруг количества собственности. Количество собственности определяет круг собственников (социальную страту), под которым понимаются мелкие, средние, крупные собственники и лица, ее не имеющие. Трудно представить задачу правотворческих органов, которые должны в формально-знаковой логико-семантической форме учесть интересы как индивидов, так и их объединений по количеству собственности или отсутствию таковой. Представьте себе ситуацию, когда люди, не имеющие собственности, стремятся к обладанию ею мелкие

собственники стараются ее преумножить, средние собственники - стать крупными, а крупные собственники имеют желание ее сохранить. Все эти интересы частных индивидуальных собственников могут быстро превращаться в общие публичные интересы, поэтому гражданско-правовые отношения по перераспределению собственности больше являются публичными, а не частными. Поскольку развитие отношений собственности и ее перераспределения может быть очень динамичным, постольку и стабильность формально-знаковых правил поведения может быть весьма неоднозначной. Примером тому могут служить земельные отношения на территории бывшей Российской Империи.

Задача правотворческих (законотворческих) органов еще больше усложняется в связи с тем, что в формально-знаковой норме (общем правиле игры для всех групп собственников) необходимо завуалировать корпоративные, групповые интересы тех, кто лоббировал принятие этого правила. Теоретически можно предположить, что все корпорации собственников согласны с этим правилом, поскольку это является отражением их общих интересов, и они - собственники и лица, не имеющие таковой, нашли социальный консенсус и заключили между собой договор-соглашение.

Использование в настоящее время в законотворческом процессе древнегреческих и древнеримских юридических формулировок, которые были созданы тысячелетия назад, для регулирования отношений собственности в период рабовладения, доказывает универсальность и устойчивость этих отношений, поскольку форма следует за содержанием. Таким образом, формально-знаковые и логико-семантические системы, разработанные тысячелетия назад для регулирования поведения людей, с успехом используются и в настоящее время. Модели для определенного вида поведения, как формально-логические правила, практически не изменились.

Логико-семантическая форма в последнее время перестает быть универсальной в правовых системах, где основным источником регулирования поведения людей является нормативный акт, в правовое поле происходит проникновение иных источников (форм) регулирования, в том числе и прецедента. Прецедент становится более привлекательной формой регулирования поведения индивидов и их объединений, с точки зрения более оперативного реагирования на социальные события, а также большей открытости,

гласности, состязательности в социальном и индивидуальном регулировании¹⁴. Решения Конституционных Судов и Постановления Верховных Судов, несмотря на различную юридическую природу этих документов, фактически создают обязательные модели поведения для участников общественных отношений. Практически происходит функциональная замена правотворческой деятельности органов государства.

Формально-знаковое и логико-семантическое моделирование исходя из принципа разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную, в правовом государстве должно быть прерогативой законодательных и иных правотворческих учреждений. Задачей исполнительных органов власти должна быть реализация этих модельных установлений через правоприменительные акты. Судебная власть должна быть арбитром между законодательными и исполнительными органами власти, создавая же прецеденты, судебная власть фактически вмешивается в функциональную деятельность правотворческих органов государства, тем самым размывая действие принципа разделения власти. Результатом происходящих процессов может стать нарушение баланса компетенции органов власти в системе сдержек и противовесов, что в конечном итоге может привести к серьезным нарушениям в функционировании всех институтов демократии¹⁵.

Конструирование логико-семантических моделей поведения людей требует и создания современных юридических технологий, целью которых должно стать создание взаимосвязанной формальной цепочки для реализации интересов участников социальных отношений, от общего модельного правила до индивидуального юридического акта.

Правовая технология - относительно новая научная категория, разработкой которой занимается А.К. Черненко¹⁶, и определил ее как систему принципов, методов и процедур для эффективного и рационального конструирования правовой системы (правовых институтов) в соответствии с поставленными целями, которые обусловлены конкретно-историческими потребностями и интересами, естественными, фундаментальными правами и свободами человека¹⁷.

Введение и использование в научно-практическом обороте понятия правовая технология является не только эмоционально привлекательным, но и дает новые возможности методологического осмысления окру-

жающей человека юридической действительности. Правовая технология как системная юридическая категория дает возможность привести в порядок всю совокупность правил, регулирующих поведение человека.

До недавнего времени в философской и юридической литературе активно обсуждались проблемы системного подхода к изучению социальных явлений¹⁸ и комплексного восприятия правовой действительности, что позволило более качественно и эффективно воздействовать на общественные отношения¹⁹. На первый взгляд, понятие «правовая технология» является синонимом понятия «механизм правового регулирования», но при более внимательном изучении данных категорий можно заметить, что механизм правового регулирования - более широкая категория, которая включает в себя материальные, процедурно-процессуальные и психологические элементы. Правовая технология включает в себя больше процедурно-процессуальные элементы в комплексно-системном состоянии. Отсутствие или изъятие одного из элементов системы может привести к нарушению технологического процесса в создании правовой системы и противоречиям в содержании материальных норм.

Правовую технологию необходимо понимать в узком и широком смысле. В узком смысле она понимается как деятельность уполномоченных на то органов должностных лиц по юридическому оформлению части общественных отношений с целью их регулирования. В широком смысле правовые технологии следует понимать как весь процесс деятельности государственных органов и должностных лиц по юридическому оформлению социальных отношений, от создания нормативного акта до его реализации.

В последнее время в научной юридической литературе все чаще обсуждается вопрос о сущности правового регулирования поведения людей и источниках, используемых для его проведения²⁰. Такое внимание к данной проблеме объясняется все более усложняющимися общественными процессами, развитием экономики, новыми промышленными технологиями. Правовые системы, существующие в современной цивилизации, иногда не успевают реагировать на происходящие изменения социального взаимодействия субъектов. При внимательном рассмотрении современных социальных процессов необходимо отметить: во-первых, происходит не только появление абсолютно новых отношений, например, в сферах: ядерных иссле-

дований; экологии; космического пространства; компьютерных технологий и т.д., во вторых, усложняются уже имеющиеся отношения, например, в сферах: регулирования уголовных отношений (появляются новые виды запрещенного поведения); регулирования гражданских отношений (появляются новые виды соглашений) и т.д., в-третьих, в правовое поле возвращаются ранее исключенные по разным причинам юридические конструкции и правовые средства, например: частная собственность, суд присяжных, пожизненное лишение свободы, возмещение морального вреда, восстановление нарушенного права и т.д.

Современное состояние Российской правовой системы предполагает выделение из нее системы права, под которой обычно понимают совокупность правил поведения, оформленных нормативно-правовыми актами и систематизированных по предмету и методу юридического регулирования на определенные отрасли²¹.

В российской науке есть и иные мнения об основаниях систематизации права. В частности, вызывает интерес позиция В.Д. Сорокина, по мнению которого необходим совершенно другой фундаментальный подход. Основу такого подхода составляет признание объективного существования такой категории, как единый предмет правового регулирования для всей системы российского права. Таким предметом выступает, по мнению В.Д. Сорокина, социально-правовая среда, т.е. система общественных отношений, объективно нуждающихся в правовом регулировании. Системными элементами социально-правовой среды являются отдельные группы общественных отношений, выступающие в свою очередь предметами соответствующих отраслей российского права.²²

По моему мнению, В.Д. Сорокин допустил существенную неточность, когда предложил в качестве единого предмета правового регулирования социально-правовую среду, а в качестве системных элементов отраслей права отдельные части социальной правовой среды. Между тем, если предположить, что предметом регулирования является социально-правовая среда, то данная часть общественных отношений уже отрегулирована правом, и речь необходимо вести лишь о законодательно-формальном их закреплении при помощи создания системы нормативных актов. Выделение отдельных системных элементов социально-правовой среды и их фор-

мальное закрепление есть создание отраслей законодательства, а не отраслей права.

Далее В.Д. Сорокин утверждает, что в общих границах социально-правовой сферы может складываться неопределенное множество групп и разновидностей между людьми. Эти отношения обладают специфическими особенностями и требуют не только общеправового воздействия, но и адекватного отраслевого регулирования. Поэтому в едином предмете правового регулирования может быть множество отраслевых предметов регулирования, и нельзя точно сказать, сколько там должно быть отраслевых методов такого регулирования.²³ Вот почему, наряду с существованием единого предмета правового регулирования, совершенно естественной становится проблема существования единого метода правового регулирования.²⁴

Особенности юридического метода следует искать, по мнению В.Д. Сорокина, не на уровне отраслей права, а на уровне правовой нормы. Именно там заложена универсальность метода, которая затем распространяется на все институты, подотрасли и отрасли и всю системы российского права. Поэтому единый метод состоит из трех элементов воздействия на общественные отношения – запрет, дозволение, предписание. Единый метод правового регулирования выступает как различная модификация этих трех способов воздействия.²⁵

Несмотря на множество сочетаний вариативности предмета и метода регулирования, которые могут повлечь за собой создание множества отраслей права, более перспективным направлением в правовом регулировании можно считать комплексное воздействие на объектно-субъектные отношения при помощи создания их правовых режимов.²⁶

¹ См.: Хижняк С.П. Правовая терминология и проблемы ее упорядочения // Правоведение, 1990, №6; Туранин В.Ю. Проблемы и перспективы унификации терминологии // ЖРП, 2002, №11. – С. 46-48

² См.: Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категории права. М, 1976. – 264с.

³ См.: Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования, Статут, 1999. – С.108-110

⁴ См.: Давеева Н.И. Общеправовые средства в механизме правового регулирования трудовых отношений // Правоведение, 2002, №3. – С. 56-62

⁵ См.: Керимов Д.А. Законодательная техника. Научно-методическое и учебное пособие, М, 1998. – 127с.

⁶ См.: Черненко А.К. Правовые технологии и проблемы эффективности формирования правовой системы // Сибирские юр. записки, Красноярск, 2001. – С. 6-15

⁷ См.: Бекренев В.И.; Ященко В.В. Методы и инструменты моделирования сферы общественных процессов // Юр. мысль, 2002, №3. – С. 44-47

⁸ См.: Арановский К.В. Мифология и мировоззрение в соотношении с государственно-правовым регулированием // ЖРП, 2002, №9. – С. 84-92

⁹ См.: Рарог А.И.; Грачева Ю.В. Законодательная техника как средство ограничения судебного усмотрения // Государство и право, 2002, №11. – 93-100

¹⁰ См.: Плахов В.Д. Социальные нормы и девиантное поведение // Юр. мысль, 2002, №2. – С. 91-101

¹¹ См.: Кросс Р. Прецедент в английском праве, М., Юр. лит., 1985. – 240с.

¹² См.: Тихомиров Ю.А. Теория закона, М., 1982. – 267с.

¹³ См.: Уголовный Закон: опыт теоретического моделирования, М., Наука, 1987. – 280с.

¹⁴ См.: Федотов А.В. Возможно ли применение *contra legem* в демократическом правовом государстве? // ЖРП, 2002, №8. – С. 92-99

¹⁵ См.: Бородин С.В.; Кудрявцев В.Н. О разделении и взаимодействии властей в России // Государство и право, 2002, №5. – С. 13-16

¹⁶ См.: Черненко А.К. Рациональные методы конструирования правовой системы: правовые технологии // Теоретические проблемы формирования правовой системы России. – Новосибирск: Наука. – 1999. – С. 51-89

¹⁷ См.: Черненко А.К. Правовые технологии и проблемы эффективности формирования правовой системы. С. 8

¹⁸ См.: Черненко А.К. Рациональные методы конструирования правовой системы: правовые технологии // Теоретические проблемы формирования правовой системы России. – Новосибирск: Наука. – 1999. – С. 51-89

¹⁷ См.: Черненко А.К. Правовые технологии и проблемы эффективности формирования правовой системы. С. 8

¹⁸ См.: Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. – М. – 1978; Каган М.С. О системном подходе к системному подходу // Философские науки. – 1973. - №6; Юдин Э.Г. Деятельность и системность // Системные исследования. М. – 1977; Сагатовский В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий. – Томск, - 1973; Карпович В.Н. Системность теоретического знания. – Новосибирск. - 1984

¹⁹ См.: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве, М., - 1966, - 160с.; Малько А.В. Механизм правового регулирования // Правоведение. – 1996. - №6. – С. 3-12; Горшин В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М. – 1972. 180с.

²⁰ См.: Малько А.В. Механизм правового регулирования // Правоведение. – 1996. - №6

²¹ См.: Алексеев С.С. Структура советского права. – М. - 1975

²² См.: Сорокин В.Д. Единый предмет правового регулирования определяет существование и единого метода // Юр. мысль, 2001. - №5. – С. 24

²³ См.: Сорокин В.Д. там же. – С. 25

²⁴ См.: Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс // Правоведение, 2000 - №4. – С. 15

²⁵ См.: Сорокин В.Д. Единый предмет... С. 27

²⁶ Более подробно о правовых режимах см.: Бляхман Б.Я. Правовой режим в системе регулирования социальных отношений, Кемерово, 1999. – 172с.